

Глава 1

ШОПИНГ

— Нет, Оль, я не решила скупить все магазины, — смеюсь, поправляя пакеты с новой одеждой, и плечом сильнее прижимаю телефон к уху, чтобы не тратиться на возможный ремонт или вовсе на покупку нового гаджета, потому что мой старичок уж точно не переживет встречу с кафельным полом торгового центра. Ноги почти не идут, усталость берет свое, и я с прискорбием осознаю, что взвалила на себя слишком много, решив посвятить выбору одежды вечер воскресенья.

— Черное кружевное хоть взяла? Или будешь хлопковым с рынка Антона соблазнять? — смеется подруга, напоминая о довольно скудном наборе моего нижнего белья, больше подходящего под категорию «удобного и незаметного», чем «соблазнительного».

— Так, во-первых, никого я соблазнять не собираюсь, мы с Антоном даже не встречаемся. — Мои губы растягиваются в улыбке. Да, Тоха за

мною бегают почти год, но парой мы так до сих пор и не стали, хотя от одного воспоминания о поцелуе перед командировкой и обещании, что после того, как он вернется, все изменится, меня бросает в жар. Это, наверное, самое безумное, что он когда-либо совершал, и потому оно так откликнулось в моей вечно мятущейся душе. — А во-вторых, купила, и не только черное.

— Мама дорогая! Я должна это увидеть! — театрально причитает Оля. — Вика Шмелева в роскошном белье. Так, завтра приеду, готовься примерять.

— Хорошо, — смеюсь, мысленно добавляя к списку магазинов еще и продуктовый, потому что запасы игристого сильно оскудели с наших последних посиделок. — Тогда завтра и поговорим, ладно? А то у меня рука отвалится держать все пакеты. — Снова перекладываю их из одной руки в другую и, взяв телефон, наконец встряхиваю плечами. — Мне еще один магазин остался.

— Выбери что-нибудь дерзкое на мой день рождения, — подначивает меня Оля на откровенный наряд, и я соглашаюсь с ней. На следующей неделе мы пойдем в любимый бар, и выглядеть на празднике нужно соответствующе. Поэтому, вздохнув, надеваю куртку и, перебежав дорогу от излюбленной громадины с кучей магазинов, захожу в бутик с кусачими ценами и невозможно красивыми нарядами. Гулять так гулять.

Сорок минут я трачу, изучая весь ассортимент торгового зала, и еще столько же в примерочной, мучая консультанта просьбами подобрать другой цвет или размер. Она стойчески выдерживает мои капризы, даже дает дельные советы и с облегчением выдыхает, вознаграждая меня широкой улыбкой, когда я останавливаю выбор на комбинезоне с откровенным вырезом спереди. Да уж, это достаточно дерзко — Оля останется довольна, хоть и выскажет мне за темно-бордовый цвет, который, по ее словам, «прибавляет пятнадцать лишних лет».

Я не чувствую ног, поэтому ползу к кассе и всерьез думаю оставить поход за продуктами на завтра, потому что в настолько измученном состоянии я с трудом доберусь даже до такси. А мне еще на седьмой этаж без лифта подниматься, потому что мы вот уже полгода ждем замену какого-то важного механизма. Кассир предлагает мне какие-то шарфы, которые идеально подойдут к наряду, и даже бижутерию, массивную и кричащую, но я отказываюсь. Прикладываю телефон к пин-паду, девушка расплывается в счастливой улыбке, прикидывая процентную выручку за день, и протягивает мне пакет, как тут же с оглушительным звоном разлетается стекло витрины, и я слышу выстрелы, сопровождаемые громким приказом:

— Ложись!

И, конечно же, не выполняю его, потому что непонимание и страх парализуют. Они мерзкими путами расползаются по коже и приращивают меня к одному месту. Как тот самый олень в свете фар, замираю, осознавая момент неизбежной катастрофы. Только свиста тормозов нет, которые бы привели в чувство. Я так и застываю с пакетами в руках, смотрю на все будто со стороны: вот каски с визгом ныряют под стойку, в здание врываются какие-то неизвестные в чудных масках, словно здесь идут съемки «Бумажного дома», а следом за ними влетают мужчины в черных костюмах, закрытые с головы до ног так, что лиц не различить. Эти точно знают, что делать. Работают четко и слаженно, обмениваются жестами, в отличие от первых, у которых, кажется, все пошло не по плану.

Справедливость торжествует. Сердце наконец разгоняется в груди, кровь хлещет по венам и артериям, мозг начинает обработку информации, но делает это слишком медленно, потому что грабитель направляет на меня оружие. Не вижу лица, но каким-то шестым чувством понимаю, что он усмеяется. Мерзко, плотоядно, и мне становится дурно. Фантазия разыгралась, и ее уже не остановить. Прижимаю пакет к груди и поднимаю остальные, будто они хоть как-то меня спасут. Так себе бронжилет, но бежать поздно. Он выстрелит — я не успею даже развернуться, не то чтобы пикнуть.

Я не Нео из «Матрицы» и не Том Круз, которому выпала очередная невыполнимая миссия. Я самая обычная трусиха, которая не смогла сориентироваться в стрессовой ситуации и решила не делать ничего, смирившись с поражением.

— Блядь! — рычит один из тех, что в черном, вырывая меня из страдальческих размышлений. Хлопаю ресницами и перевожу взгляд. Росгвардеец фокусируется на мне (поворот головы выдаст) и бросается навстречу. — Ложись! — Одним мощным рывком он сбивает меня с ног и накрывает собой. Утыкаюсь носом в его грудную клетку и мычу недовольно, хоть это и меньшая из моих проблем, перелом мне явно не грозит. Не чувствую боли от удара, мы приземляемся очень мягко, ощущаю только давление его обмундирования. — Вяжите их! — кричит спаситель остальным, закрывает руками мою голову и размеренно дышит, точно ни капельки не волнуется и не боится, рискуя своей жизнью в попытке спасти бесполовую мою.

Не знаю, сколько проходит времени, как все заканчивается. Только чувствую, как меня с легкостью отрывают от пола и, встряхнув за плечи, поднимают на руки. Взгляд стекленеет, не различаю ничего перед собой, только жмусь сильнее к мощной груди и кусаю губы, боясь даже пискнуть, хотя надо кричать благодарности, потому что, если бы не этот герой, я бы уже растекалась по кафель-

ному полу магазина. Странное ощущение, но незнакомцу в маске я доверяю безоговорочно: он не внушает страха, хотя обычно стражи порядка вызывают у меня легкий мандраж. Все, кроме этого. Он меня спас, а спасители не могут быть плохими. Для меня он уже герой, которому нужно сказать хоть что-то, но пока меня хватает лишь на предательскую дрожь от колотящегося в груди ужаса. Росгвардеец заносит меня в машину «Скорой помощи» и сажает на кушетку, отбирает пакеты из рук (получается не с первого раза, я надежно вцепилась в свой бронежилет), ставит их неподалеку. Странно так: чуть с жизнью не рассталась, а трясусь за тряпки. Дергано улыбаюсь и поджимаю колени к груди, обхватываю их руками, когда на плечи опускается теплый плед.

— Спасибо, — давлю шепотом, на нормальную речь нет сил, потому что до меня медленно доходит, что могло бы произойти. Спецназовец кивает, а затем оборачивается на голос другого мужчины:

— Дымов, ты опять геройствуешь? — Легкая веселость в голосе крепко сложенного военного должна меня радовать, но я сжимаюсь еще сильнее, втягиваю голову в плечи и кутаюсь в плед. Не может быть. Это просто ужасное совпадение, мало ли Дымовых на свете. Есть ведь и хорошие, которые не ломали мою жизнь ради собственных героических целей служить в СОБРе. Этот Дымов — герой, что меня спас, и мне очень хочется,

чтобы он был просто однофамильцем, потому что невозможно раскрошить сердце, а после его спасти. Но не убедиться не могу, поэтому все же подаю признаки жизни и тихо спрашиваю:

— Егор?

Слышу сдавленный вздох и понимаю, что это именно он. Тот, кто разрушил мою жизнь шесть лет назад. Тот, из-за которого я собирала себя по кусочкам. Самая большая любовь моей жизни и гигантская ошибка. Сердце колотится в груди. Прикладываю ледяные пальцы к шее, игнорируя тупую боль в затылке. Теперь я вижу Егора в каждом жесте и не понимаю, как не узнала раньше. Он стягивает маску, закатывает балаклаву и рукавом вытирает лицо. Я смотрю на знакомого незнакомца, из груди вырывается странный звук: то ли удивление, то ли страх, то ли отчаяние — потому что одна случайная встреча вмиг возродила старательно похороненные воспоминания и отбросила меня в далекое прошлое, где я маленькая и наивная, а он, как сейчас, большой и сильный. Дымов кивает, осторожно касается моего плеча и, наклонившись, произносит:

— Посиди здесь, если будет плохо, скажи врачу, как придет. Я скоро вернусь. — Он подмигивает, а затем разворачивается и легко спрыгивает с верхней ступеньки на улицу. — Выполняю свой долг, товарищ полковник. Действую по инструкции. Разрешите доложить, как все прошло?

Дальнейший разговор я уже не слышу, потому что пытаюсь уложить в голове все события. Дымов все же добился, чего хотел — служит в спецназе, а у меня от этого в груди ноет, потому что восемнадцатилетняя девчонка так до сих пор и не поняла, как что-то могло оказаться важнее ее и ее искренних чувств. Слезы катятся по щекам, и я уже не знаю, отчего реву. Оттого, что так и не отпустила Егора вопреки всем убеждениям, ведь хватило одной встречи, чтобы сердце заныло, а тело потянулось еще в тот момент, пока он нес меня сюда. Оттого, что чуть не рассталась с жизнью, или оттого, что он бы меня не спас, если бы мы все же тогда не расстались. Хочу выть навзрыд. Тело бьет сумасшедшая дрожь: мне холодно и страшно, а еще чертовски обидно, потому что у Дымова в жизни все сложилось как нельзя лучше, а у меня... как получилось. Это меня после нашего расставания переломало и размололо в труху, это я собирала себя заново по кусочкам, пока он получал очередное звание и строил блестящую карьеру.

— Чего ревим, как будто подстрелили? — слышу голос пожилой женщины и поворачиваюсь к ней. Она смотрит на меня, оценивает, думая, сколько проблем я ей доставлю, потому что для нее я всего лишь работа. Качает головой, видя мои слезы, но своим вопросом она не осуждает, скорее, отвлекает мое внимание, и это работает.

Меня ведь действительно не подстрелили. Я жива и почти невредима. Пара синяков сойдет за неделю, а с душевной болью мне не привыкать жить — ее во мне перманентным маркером Дымов нарисовал. Женщина в расстегнутом пальто, под которым виднеется медицинская форма, подходит ближе, прикладывает руку к моему лбу и качает головой. — Сейчас померишь температуру. А еще чай выпьешь, у меня в термосе травяной. Есть аллергия на что?

Отрицательно качаю головой, не понимая, чем вызван такой приступ доброты.

— Руки-ноги целые? — спрашивает, наливая в одноразовый стаканчик бледно-желтую горячую жижу, от которой приятно пахнет ромашкой и чабрецом.

— Целые. — Принимаю стакан из ее рук и тут же припадаю к нему, отпивая крохотными глотками чай. — Спасибо, — только и делаю, что успеваю благодарить всех, кто мне помогает.

Женщина кивает в ответ и, подхватив чемодан с красным крестом, уходит помогать остальным. Я снова одна, но с чаем в руках гораздо спокойнее. Страх сходит такими же волнами: сначала я понимаю, что опасность миновала, затем осознаю, что ничего страшного со мной не случилось, и только потом уверяюсь, что сейчас я в полной безопасности. Справлюсь. Я выжила, и это главное. Об остальном думать не стоит, это лишняя и ненуж-

ная информация, которая ничего, кроме новой грусти, не принесет. А мне сейчас нужны только положительные эмоции.

На дне белого пластикового стаканчика остается всего пара глотков, когда возвращается Дымов. Он уже в гражданском — в обычных джинсах и куртке, так что теперь я могу уловить все различия между Егором, которого я помню, и Егором нынешним. Он повзрослел и стал шире в плечах, даже, наверное, не только в них. Во взгляде больше серьезности, появилось несколько морщинок на лбу, да и в целом передо мной человек, отдаленно напоминающий первую влюбленность, но сердце отчего-то болезненно екает и ускоряет бег.

— Ты потеряла? — Он протягивает мне телефон. Я осматриваюсь, хлопаю по карманам и тут же хватаю мобильный, проверяя, есть ли пропущенные звонки.

Звонила только Оля, причем уже дважды, и написала с десятков эсэмэс. Нужно будет обязательно ей ответить, как только попрощаюсь с Дымовым и останусь одна обрабатывать весь сегодняшний день. Хотя нет. Оля, наверное, испереживалась вся. Она знает, куда именно я отправилась, и наверняка уже увидела новости, которые кто-то обо деятельный слил в городской канал.

— Мое, — улыбаюсь, испытывая невероятное облегчение. Я ведь даже не поняла, когда его потеряла. Просто выпал, а я не обратила внимания,

потому что размеренно пила чай, а до этого восхищалась своим спасателем — хорошо, что мне не хватило смелости делать это вслух. — Еще раз спасибо.

— Не за что, — чеканит он и расправляет плечи, разминая твердые мышцы, которые даже под курткой легко вообразить. — Идти можешь? Моя машина тут недалеко, я отвезу тебя, только сначала надо заехать в часть, подписать все.

Облизываю губы испуганно и разглядываю остатки чая. Я не то что идти могу, я даже бежать способна, но только в противоположном от Егора направлении. Его вдруг очень много для меня становится, всего такого идеального и собранного, улыбающегося, но с серьезным взглядом. Нужно что-то ответить. Сказать, что я сама со всем справлюсь, ведь не только он стал сильным за то время, пока мы не виделись. Сделать вид, что он мне больше не интересен. Но это всего лишь я, и я не справляюсь, потому что именно в эту секунду малодушно хочу узнать, как он жил все время без меня и переживал ли хотя бы десятую часть того ада после нашего расставания, который прожила я.

— Вот вы где. — Нашу компанию наконец разбавляет третий. Мужчина лет сорока поправляет кобуру и достает из кармана корочку. — Майор Слуцкий, оперативный сотрудник. Не против ответить на пару вопросов?

Смотрю на Егора, а затем на майора. Оба сосредоточены на мне, оба ждут ответа. Появление майора становится для меня спасением, потому что решение узнать, как жил Егор, безумное. Оно не принесет ничего хорошего, только сильнее рану расковыряет и вытащит с трудом загнанных в клетки демонов на поверхность. Надо сказать. Прямо сейчас. Пауза затягивается, а я не могу решить. И если Слуцкий примет любой мой ответ, то Дымов, кажется, будет совершенно против, если я соглашусь поехать в отделение, потому что уже легонько качает головой. Мы провели вместе несколько минут, а он уже командует и решает, как мне поступать. Нет, рядом нам точно нельзя, мне стоит находиться подальше от него, чтобы воспоминания души на части не рвали и глаза пристально не смотрели, обволакивая неведомо откуда взявшимся теплом. Где бы еще столько смелости взять, чтобы не спасовать перед хмурым Егором, настроенным остановить меня в любой момент.

— Дымов, ты какого хрена там делаешь? — доносится голос, по всей видимости, его командира. Егор ругается себе под нос, и я чувствую глоток свободы. Мне без Дыма дышать легче. И по тому, как расправляются мои плечи, Егор все прекрасно понимает. Ведет головой и сжимает руки в кулаки.

— Глупостей не делай, — бросает мне напоследок и выходит из фургона, хлопнув майора по плечу.

Нет дыма без меня

Я уже сделала, связавшись с ним семь лет назад. С тех пор только глупости и делаю. И даже если одной станет больше, переживу.

— Я не против, — вяло улыбаюсь Слуцкому и осторожно встаю на ноги. Кажется, переоцениваю свои силы, меня потряхивает то ли от холода, то ли от шока. И бедро ноет, на которое я рухнула, когда меня бросился защищать Дымов. Но лучше уж добираться на дрожащих ногах до полицейской машины, чем оставаться и ждать Егора, чтобы снова выйти на поле боя, где уже умерли наши надежды на счастливое совместное будущее.

Глава 2

К СЕБЕ

— Дымов, ты совсем страх потерял, что ли? — полковник серьезный, не нравится ему мое поведение во время выезда. Теперь будет отчитывать и жизни учить. Хорошо, если быстро отпустит — может, даже на утро перенесем все бумажные дела. Нас и так сорвали экстренно, когда домой все ехали. Сидели четыре часа в засаде, дали отбой, а потом по звонку развернулись и поехали сразу к месту действия.

Все шло четко. Приехали вовремя, готовые от и до. Приказано было вязать грабителей в первую очередь, а не кидаться защищать посетителей и сотрудников. Но я, как Тори увидел, цель мигом для себя обозначил. Сначала не узнал: она волосы до пояса отрастила, красивая стала до невозможности. Хотя и раньше я на нее залипать был готов по несколько часов. Вся напуганная, повзрослевшая, брови хмурила и за пакетами пряталась, будто их количество помогло бы жизнь сохранить. Решить, спасти или нет, не пришлось. Ни единого мгно-

вения на выбор: заметил, опознал, бросился. Пуля где-то рядом просвистела, но мне к такому не привыкать. Главное, что Вика целой осталась.

— Никак нет, товарищ полковник! — отвечаю Гриневу. Он мужик мировой, только мозг нам промывает, когда на неоправданный риск идем, жизни спасая. А я бы и не смог иначе, даже если бы там не Тори стояла. На ней, конечно, замкнуло так же, как и семь лет назад, когда мы только познакомились, но на помощь бы любому пришел. Потому что видеть осознание скорой смерти в глазах невыносимо.

— Тогда чего полез девчонку защищать? А если бы в тебя выстрелили?

— А если бы в нее? — Даже представлять страшно. Мир бы краски потерял сразу, мой так точно. Он и так стал почти черно-белым после того, как мы разбежались. Без нее пресно и скучно, это методом проб и ошибок выяснил. Но я хотя бы знал, что она живет, улыбается, в кино ходит и в отпуск катается. — А я все ж в бронжилете.

— Ладно, с тобой я еще завтра на эту тему побеседую. — Он вздыхает и кулаки сжимает. Знаю, что легким этот разговор не будет, еще и к психологу отправит, чтобы в башке порядок навели и нужные винтики закрутили. Нельзя рисковать собой. Нельзя действовать в обход приказа. И... — Потом зачем к ней поперся? Знаешь же правила.

И нельзя взаимодействовать со спасенными по окончании операции.

— Знаю, — киваю быстро. — Иначе не мог. Знакомая моя.

— Понятно. Надеюсь, очень хорошая знакомая, раз ты ради нее в пекло полез, — давит, выбивая признание.

Самая лучшая. И я ее чуть второй раз не проебал.

— Так точно, — не даю ни грамма лишней информации. Не мне же одному завтра мучиться. — Разрешите идти?

— Разрешаю. В часть, — бросает и, резко развернувшись, уходит.

А меня ноги сами несут к медицинской «Газели». Но чутье подсказывает, что гладко не будет. Тори перепугалась, меня узнав, это даже невооруженным глазом заметно. Я и сам немного струхнул, но быстро в норму пришел. Главное, что целая осталась, а над остальным будем работать. Поговорить бы нам нормально, без всяких стрессовых ситуаций. И ее успокоить, домой отвезти, чтобы сама по улицам не шаталась.

Залетаю в салон, там пустота. Только пакеты с покупками стоят и запах духов ее витает. Тех же самых, что ей дарил много лет назад, наблюдая, как глаза от счастья светятся. Забавно, ни черта не помню, как выглядит пузырек, а аромат как родной. Только родная сбежала, не прихватив даже самое необходимое, а мне теперь ищи и думай, не

ввяжется ли она еще в какую опасную авантюру. Тру виски и вздыхаю устало. Угроздило же вляпаться так. Точно к психологу пора, во мне синдром спасателя просыпается. Но об этом я порассуждаю позже. Сначала все же найду Тори, тем более у меня и удачный предлог есть. Сгребаю пакеты и несусь к своей машине. Кидаю на заднее сиденье и завожу мотор. Внутри колотит. Моя Тори. Шесть лет не видел, давил порывы хоть одним глазком в ее жизнь заглянуть, а теперь судьба сама столкнула. Интересно, в насмешку или в награду?

* * *

Уехала, бля. Собралась и срулила с майором. Вильнула своими рыжими локонами и умчалась. Хорошо хоть Володю знаю — пишу ему сообщение, чтобы подольше девчонку помариновал. Упустить ее не хочу. Хочу просто убедиться, что она в безопасности, узнать, как себя чувствует. Отдать эти шмотки, в которые ввалила наверняка кучу денег. На сегодня этого более чем достаточно, а потом уже осторожно в ее жизнь возвращаться.

Паркуюсь прямо перед входом, чтобы не пропустить. Пишу Слуцкому, чтобы выпускал мою принцессу — он тактично шлет меня, сообщая, что они еще не закончили допрос. Выхожу на улицу, обхожу свой «Вольво», ногой стучу по колесам от

безделья, а потом опираюсь на капот и закуриваю. Обычно к пагубной привычке тянет, только если на выездах неприятности случаются. Сегодня неприятностей не было, зато случился полный пиздец: меня с разбегу вмазало в Тори и до сих пор не отпускает, как бешеного маньяка. Верчу в руках пачку сигарет, думая, как себя вести. Она другая. Я изменился. Считай, заново знакомиться придется.

Слышу ее звонкий смех и оборачиваюсь, тут же застывая. Слуцкий провожает ее с крыльца, что-то говорит, еще раз проверяет номер ее телефона и делает дозвон, сообщая, что обязательно наберет. А я напрягаюсь против воли. Знать хочу во всех подробностях, на кой хрен этому женатому старперу моя Тори понадобилась. Усмехаюсь и осаживаю себя, в последний раз затягиваясь. Моя, ага, разбежался. Я только и имею право теперь, что пялиться издали да слюни пускать.

Вика замечает меня и тут же меняется в лице. Хмурит брови, смотрит поочередно то на меня, то на Вову, думая, кто из нас надежнее. В итоге сдержанно прощается с опером и идет навстречу мне. Недовольная до ужаса. Но не сопротивляется, знает, что я в любом случае свое получу.

— Зачем приехал? — останавливается в метре от меня и скрещивает руки на груди. Закрывается, но я ни на что другое и не рассчитывал. Тори всегда была упрямой, но моей упертости проигры-

вала. Точнее, уступала, потому что любила, а я делал то, что будет лучше для нас. В одном, конечно, облажался — отпустил ее. Больше подобных косяков не допущу.

— Я же сказал, что домой отвезу. — Пожимаю плечами расслабленно, будто не выжимал педаль в пол, лишь бы успеть. — Ты покупки свои забыла. — Открываю дверцу и киваю: — Садись.

— Я вызову такси, — упирается серьезно. — Спасибо, что привез мои вещи, больше помощи не требуется.

Усмехаюсь. Упрямая до невозможности. И от этой ее ершистости только еще сильнее хочется узнать, чем она сейчас живет. Когда по-настоящему плевать, обычно не сопротивляются.

— Садись, — повторяю с нажимом и улыбаюсь.

— Егор, это лишнее, — звучит уже мягче. Она прикрывает глаза и глубоко вздыхает. Сдается.

— Хорошо. Тебя есть кому встретить? — иду на небольшую уступку, думая, может, и правда не стоит так наседасть. Мы друг другу теперь чужие люди. Это мне было двадцать четыре, я себя хорошо помню, да и сейчас прекрасно осознаю, что не делись чувства никуда, все как на ладони. А Тори всего восемнадцать, у нее потом было еще столько ярких эмоций, что наши отношения поблекли на цветастом фоне и омрачились не самым приятным расставанием.

Она переминается с ноги на ногу, лицо прячет, чтобы раньше времени все не считал, впивается пальцами в свое плечо и сокрушенно выдает:

— Нет.

Поражает честностью.

— Тогда залезай. Одну тебя не отпущу.

Она больше не спорит. Пыхтит возмущенно, но все же усаживается в пассажирское кресло и пристегивается. Волосы свои медные поправляет и кончик локона на указательный палец наматывает. Я так засматриваюсь, что тоже хочу провернуть подобное. Приходится сжать руку в кулак и закрыть дверцу.

— Куда тебя? К родителям? — Мы трогаемся, Тори отворачивается к окну. Ясно, говорить мы не планируем.

— Нет. С папой я давно не живу. — Она называет адрес на другом конце города от меня. Далеко. Раньше мы жили ближе.

— Дома есть кто-нибудь, кто с тобой остаться может? Тебе сейчас одной быть нельзя — знаю по себе. Нас сегодня-то неохотно распустили, обычно мы торчим в части еще сутки после таких выездов, приводя тело и мысли в порядок. Выплескиваем адреналин, разговариваем с психологом, сразу проблемы на корню вырезаем. Только к любой операции мы готовы морально и физически, а Тори может накрыть в любой момент.

Бросаю на нее короткий взгляд, снова возвращаюсь к дороге. Вика молчит, не хочет врать, вижу по глазам. Но и правдой ошарашивать не спешит. Значит, не замужем моя девочка, и это вселяет уверенность.

— Так, понятно, — произношу и сворачиваю в противоположную от ее дома сторону. К себе она меня вряд ли пустит, значит, выбор очевиден. Оставляю у себя до утра, если ночь нормально переспит, то и дальше все хорошо будет.

— Куда ты меня везешь?

— К себе.

— Дымов, ты совсем из ума выжил? Останови машину! — едва не ревет от злости. Садится ко мне лицом и жжется взглядом. Вижу, что вцепиться хочет, только понимает, что любое неосторожное движение к аварии привести может.

— Нет. Тори, послушай...

— Не хочу. Останови! Боже! Ты вообще ненормальный! Это похищение, Дымов. Останови, или я на тебя заявку напишу, — рычит бестия, и я торможу резко на светофоре. Сердце ненормально в груди колотится от ее угроз. Вот, значит, как она обо мне думает? Пока я о ее безопасности беспокоюсь, она из меня морального урода делает.

— А теперь послушай меня. — Один выдох и один глубокий вдох. Тон ледяной, ее иначе не раздумить. — Тебя сегодня чуть не убили. Сейчас можешь храбриться сколько угодно, но менталка

свое возьмет и даст сильный откат. Не знаю, какой: паничка, кошмары, стресс, ногти, может, погрызешь — но просто не отпустит. — Свет сменяется на желтый, а затем на зеленый, но я не двигаюсь с места. Тычу в кнопку аварийки. Нам сигналият, но мне похрен. Объедут. Я в правом ряду, поворота нет, так что никому не мешаем. — К тебе в квартиру я напрашиваться не стану, знаю, что не вступишь. Побывать с тобой сегодня некому. Значит, поедем ко мне.

— Я не хочу, — говорит тихо-тихо. Понимает, что я прав, но не спорить не может.

— Через не хочу, Вика. Завтра будешь делать все что угодно, а сегодня сделаем так, как я сказал.

Она фыркает недовольно, но больше не спорит. К окну отворачивается и до самого моего дома молчанием душит. Невыносимая просто. Надавать бы ей по заднице, чтобы не вела себя как ребенок. Жалко, что Тори не оценит мой порыв. Она вообще всегда за нежность была, никогда грубость не терпела, и я удивлялся, как тогда с неотесанным мною связалась.

В лифте отходит от меня как можно дальше. Забивается в угол и сжимается в комочек. Мне обнять ее хочется всю такую беззащитную. В квартиру пропускаю первой. Она была здесь сотню раз, правда, тогда тут ремонт еще бабушкин был, а теперь все по-новому. Год назад наконец решился все до ума довести.

Нет дыма без меня

— У тебя красиво, — дежурно улыбается и нерешительно проходит дальше. Смотрит во все глаза и ощутимо расслабляется, не находя прежней обстановки. Останавливается, ожидая приглашения.

— С недавних пор, — хмыкаю и обхожу Тори, останавливаясь перед ней. — Чай, кофе? Могу предложить что-то из простого на поесть: яичницу или картошку жареную.

— Я бы хотела в душ, а потом отдыхать, — на корню рубит все мои попытки ее разговорить.

— Ладно. Я дам тебе, во что переодеться.

Глава 3

ОТКАТ

Сбежать. Спрятаться. Так далеко, как только это возможно. Присутствие Егора рядом пробуждает воспоминания, которые я слишком старательно гнала от себя. Он давит, напирает, не оставляет выбора. Я выжата как лимон. Меня будто через мясорубку пропустили и собрали в грозящую развалиться массу. Но я еще слишком хочу жить. Поэтому держусь на максимально возможном расстоянии.

Дымов дает мне свою футболку и домашние хлопковые штаны, отпускает в душ, ограничиваясь краткой инструкцией по кранам и оставляет меня в долгожданном одиночестве. Долго стою под душем, не знаю, сколько выливаю воды, но, надеюсь, Егор переживет эту трату, раз сам притащил меня к себе домой, не оставив в покое. Дымов затмевает своим появлением все произошедшее сегодня. Я даже не могу подумать, что было бы, если бы он меня не спас. В голове только слова, брошенные им шесть лет назад здесь же, в прихожей: «Нам не по пути».

А теперь я снова здесь, в его квартире, на его территории. Кутаюсь в полотенце, отрешенно прокручивая сцену перед участком. Надо было попросить Володю подождать со мной такси. Он мужчина милый, очень даже обходительный, да и показания брал так осторожно и по-простому, словно я со старым приятелем встретилась.

Зачем согласилась ехать с Дымовым?

«Потому что ты никогда не могла ему противостать», — усмехается язвительный внутренний голос, и я неохотно признаю его правоту. С Егором невозможно спорить, сколько ни пытайся. Можно только побрыкаться недолго и дать себе время на смирение, потому что он всегда делает что хочет.

— Ты там в порядке? — громко, но при этом вкрадчиво звучит приглушенный голос за дверью одновременно со стуком. Вздрагиваю и прикладываю ладони к лицу, дышу глубоко. Надо сосредоточиться. Нельзя быть слабой перед Дымовым, нельзя показывать, что он меня сломал. Это было давно, прошло целых шесть лет, я пришла в себя, а все, что было... осталось только пятном в истории моей жизни, ошибкой, которую сначала зачеркивают в решении задачи, а потом малюют сверху, чтобы она не мозолила глаза и не отвлекала от остальной, правильной, части.

— Да, нормально, — отзываюсь слишком нервно для той, у которой все нормально. Беру футболку. Простая, белая, пахнет порошком, так что

наспех вытираюсь и ныряю в нее на голое тело. Она огромная, выглядит как платье. Можно выйти даже без штанов. Уверена, в них я тоже утону, а еще запутаюсь непременно. Но не надеть их — значит позволить Дымову пялиться на свои ноги. Поэтому влезая в штаны, подтягиваю их выше и, собрав в кулак лишнее, завязываю узлом на талии. Подворачиваю их снизу и оцениваю свой вид в зеркале: максимально непривлекательный, а вместе с бледным лицом и появившимися от утомления синяками под глазами и вовсе привидение.

Когда я выхожу, Егор стоит на кухне, опирается бедрами о стол и задумчиво вертит в руках чашку кофе. От запаха сжимается желудок. Кажется, два стаканчика в участке были перебором. Дымов отставляет кружку и идет мне навстречу, так что приходится приложить все оставшиеся силы, чтобы выстоять и трусливо не сбежать в одну из комнат, закрывшись там до утра.

— Точно не голодная? — Он хмуро оценивает меня и качает головой. — Может, хотя бы чай? С сыром, — добивает меня одним словом: знает же, что люблю, и улыбается, как раньше, когда приходил мириться после ссор. Но хорошо, что мне больше не восемнадцать и эти приемы на меня не действуют.

— Лучше стакан воды и спать.

Дымов вздыхает, но не спорит. Показывает мне комнату, выделяя для сна свою спальню. На все

мои доводы отвечает, что так будет удобнее и что в соседней комнате слишком твердый диван. Принимаю на веру и падаю на кровать после того, как закрываю дверь, сетуя, что здесь нет замков. Надеюсь, Егору не приспичит посреди ночи заявиться в родную постель.

Я верчусь с одного бока на другой, ложусь на живот, но быстро переворачиваюсь на спину. Пялюсь в потолок, считая овец, вычисляю количество звезд за окном и, наконец, думаю о том, что произошло сегодня. Грабители, случайно ворвавшиеся в бутик, в который так же случайно заглянула я. Не получается посмотреть на ситуацию со стороны. Я снова испуганная и застывшая посреди торгового зала истуканом. Повсюду летят осколки, я, защищаясь, прижимаю пакеты к груди.

Счет идет на секунды. Сердце колотится как бешеное. Девушки за кассой визжат от ужаса, я больше не вижу их, смотрю на мужчину в маске. Мир сужается до дула направленного на меня пистолета. Жизнь в картинках несется перед глазами, но ее ничтожно мало. Я не хочу умирать, я еще столько всего не прожила, у меня же, считай, все впереди. Слезы льются по щекам, дышать моментально становится труднее. Выжить, только бы выжить.

Кричу, ища спасения, но я одна, потрясенная и брошенная всеми. Не спешит охрана, хотя девушки нажали на тревожную кнопку, не влетают бойцы спецназа, круша все на своем пути. Я про-

валиваюсь в персональную бездну, когда в груди вдруг становится больно. Звук выстрела доходит позже, и это ни черта не замедленная съемка, как показывают в фильмах. Меня убивают быстро и безжалостно, без возможности спастись.

А я даже вскрикнуть не могу. Только реву, пока в голове звучит его голос: «Тори! Тори! Тори!» Где же ты, Дымов, и почему не спас меня как в прошлый раз? Руки леденеют, сознание мутится. Валюсь на пол, больно бьюсь коленями и плечом. Вспышка отрезвляет, с криком я распахиваю глаза.

— Тори, это был просто сон... — Егор рядом, его рука касается моего локтя.

Фокусируюсь на нем, все еще не отличая явь от сна. Дымов уверенный в себе и большой для слишком маленькой и перепуганной меня, поэтому одним сумасшедшим порывом я бросаюсь к нему на шею и рыдаю взахлеб. Тело трясет от пережитого ужаса. Меня только что убили, отобрали право на существование, и с этим справиться непросто, пусть это мне только и приснилось.

— Спасибо, спасибо, спасибо, — шепчу сквозь всхлипы, потому что, если бы не Егор, я бы в реальности истекла кровью на полу этого бутика. А он спас, собой защитил, и я еще тысячу раз за это отблагодарить его готова.

Дымов обнимает и перетягивает к себе на колени, ледышку меня прижимая к горячему телу. Сле-

зами топлю его плечо и пальцами сжимаю мышцы. Он гладит меня по спине, затылку и баюкает, как ребенка.

— Чш-ш-ш... — Голос тихий-тихий, так что приходится умирять истерику, чтобы разобрать слова. — Все хорошо сейчас, ты в безопасности. Тебе же сон про нападение приснился? — уточняет, и я киваю. Руки Егора на мгновение замирают, а потом сжимаются сильнее. — Их больше нет, все сидят в КПЗ. Сюда никто не вломится. Дыши, Тори. Давай. Глубокий медленный вдох и такой же неторопливый выдох. Вместе со мной, ладно? — Он набирает в легкие кислород громко, так, чтобы я точно услышала и повторила.

Закрываю глаза и дышу с Дымовым в унисон. Воспоминания о кошмарном сне и не менее отвратительном дне отступают, Егор будто горячими ладонями своими их с моей кожи стирает, осторожно массируя перенапряженные мышцы. Обмякаю и наконец расслабляюсь. Не знаю, сколько времени мне на это требуется: пять минут или пятьдесят. В себя прихожу, только когда Дымов вздрагивает, засыпая. Выпрямляюсь и отстраняюсь, сползаю на кровать, выбираясь из не слишком крепкой хватки.

— Извини, задремал. — Вижу в свете уличных фонарей, как он виновато улыбается, а потом проводит ладонью по лицу, отгоняя сонливость. — Хочешь чего?

Егор поднимается, оставляя меня в одиночестве. Панически оглядываюсь. Без его присутствия рядом снова чувствую себя так, будто стою одна в зале магазина и жду пулю. Прикладываю ладонь к груди, ощущая фантомную боль. Отвратительное ощущение, жуткое и неправильное. Я ведь здесь, живая и невредимая, так почему же все возвращаюсь туда, где мне было плохо? Нужно отвлечься от дурных мыслей.

— Да, чай, если можно, — добавляю идиотское «если», за что Дымов вознаграждает меня красноречивым взглядом, слишком очевидным, чтобы не распознать молчаливое возмущение.

— Сейчас принесу, сиди и не вставай, — кивает и, посерьезнев, уходит.

Его нет долго. Целых восемь минут, за которые я успеваю себя накрутить и успокоить. Даже селю на то, что попросила чай. Он ведь снова придет и будет пристально смотреть глазами своими карими, беспокойством душу мою на части рвать. Вижу ведь, что волнуется, носится со мной как с принцессой. Всегда так делал. И я хочу ответить на его искреннюю заботу добротой... Но прошлое горькое над нами дамокловым мечом висит да никак не сорвется, чтобы уже навсегда исчезнуть с жизненных дорог.

— Спасибо, — выдавливаю из себя улыбку. Выходит искренне, я правда благодарна Егору. Ладони отогреваются от горячей керамики, по телу раз-

ливается волна тепла, я прикрываю глаза, делаю глоток, и морщусь, облизывая соленые губы. — Он с сахаром.

— Да, так нужно, пей. Я жду. — Он больше на меня не смотрит, утыкается в телефон и скроллит ленту. Мелькают чьи-то фотографии: компании, девушки, ребята в форме — и я изо всех сил заставляю себя не подсматривать за его жизнью. Не мое дело, чем он занимается. Мы давно не в интересах друг друга, так что не стоит давать даже слабую надежду.

Большими глотками пью приторную гадость. Стоит дну кружки победно засиять, с последним рывком я чувствую, как жизнь и правда становится лучше. Вообще что угодно будет лучше невозможно сладкой бурды, которую под внимательным надзором Дымова я влила в себя.

— Все. — Егор отставляет чашку на тумбочку и поворачивается ко мне. Долго изучает лицо, фигуру и, взбив подушку, которая была под его спиной, подмигивает:

— Доброй ночи.

Он почти доходит до двери, когда к моему горлу подкатывает паника. Дымов будто с собой все спокойствие забирает, оставляя холод и мерзкий страх, паутиной тело окутывающий. Меня опять трясет, я готова разрыдаться от собственного бессилия и чертовой правоты Егора. Он ведь сказал, что мне нельзя оставаться одной, значит, поймет

Энни Дайвер

все правильно. Мне бы хотелось, чтобы он не искал других смыслов.

— Я знаю, что многого прошу. — Дымов останавливается мгновенно, как будто только этого и ждал, но не спешит оборачиваться. — Но побудь, пожалуйста, со мной, пока я не усну. Я боюсь оставаться одна.

Егор не отвечает, только кивает и гасит свет. Укладываюсь головой на подушку, натягиваю одеяло до самых ушей и ложусь лицом к окну. Слышу и чувствую, как Дымов неторопливо подходит. Матрас проминается — он ложится и закидывает руки за голову, устремляя взгляд в потолок, потому что спать в ближайшее время не собирается.

Я быстро успокаиваюсь, полностью уверенная, что Егор меня спасет и от очередного кошмара. Перестаю разглядывать тени за окном, закрываю глаза и проваливаюсь в дрему, когда краем слуха улавливаю спокойное:

— Ты никогда не просила многого, Тори.

Глава 4

ТАКСИСТ-СОБЕСЕДНИК

Всю ночь сплю как убитый. Как засыпаю в одной позе в обнимку с Тори, так и дрыхну до самого утра. Хороший сон вообще главное умение бойца, потому что после каждого выезда нужно набираться сил и восстанавливаться. Просыпаюсь скорее по привычке, чем по будильнику — последнего вообще не слышно, хотя часы показывают шесть сорок пять.

Я проспал в лучшем случае часа четыре, Тори немногим больше, но в постели ее уже нет. Как и следов ее пребывания здесь. Подскакиваю, ведомый странным порывом найти ее. Испугалась и сбежала? Какого черта тогда так рано? Я еще не посмотрелся и толкового ничего не сказал. За один только вчерашний вечер она оживила все мои чувства к ней. Глаза прятала, словно боялась вспомнить все, что между нами было. Прижималась ко мне в страхе, спасение находя. Тори доверила всю себя неосознанно, и от этого хочется оправдать огромный аванс.

Почти выбегаю в коридор и сталкиваюсь со своей беглянкой в дверях ванной. Она еще сонная, глаза еле открываются, но решимости в теле столько, будто эликсир храбрости приняла.

— Доброе утро, — говорю первым, чувствую: Вика сама навстречу не пойдет. Она девочка гордая, а я ее сильно обидел много лет назад. — Как ты?

— Сносно, — отвечает угрюмо. — Мне на работу нельзя опаздывать, так что я пойду. Спасибо тебе за все: и за спасение, и за помощь с кошмарами. — Щеки ее розовеют от воспоминаний о совместной ночи. Она напоминает мне ту восемнадцатилетнюю малышку, которую я долго-долго целовал, провожая до дома. — Я вещи в машинку кинула, не нашла у тебя корзину для белья. Можешь не провожать. — Она и правда собирается уйти, отступает, но больше двух шагов ей сделать не даю — хватаю за запястье и разворачиваю Тори к себе. Она растеряна, но сдаваться не собирается, мелкая грозная Оса. Смотрит исподлобья, испепелить готова, и я позволяю себе сбить ее с толку — веду по нежной коже большим пальцем. Мягкая, бархатная почти, трогал бы целый день.

— Подожди, я тебя отвезу, — не предлагаю, и Вика понимает, поэтому только тяжело вздыхает и кивает, с улыбкой произнося:

— Если ты планируешь завтракать, то я лучше вызову такси. — Она мягко высвобождается, растирает запястье, и я пялюсь на свою ладонь, не по-

нимая, действительно ли так сильно сжал. От этой мысли неприятно свербит в мозгу: не так все идет, неправильно совсем. Не должен я пугать Тори, и ей не стоит меня бояться. Надо срочно все исправлять.

— Не планирую, закину протеин. Дай мне десять минут.

Вика ждет меня в прихожей, она молчит, в телефон смотрит, улыбается кому-то, и мне корыстно хочется, чтобы, глядя на меня, тоже так сияла. Один вечер и одна ночь наедине с этой колючкой все кардинально поменяли. В душе тумблер щелкнул, запустив жизнь по венам. В голову дало, как в первую нашу встречу. Раз, и по уши. И то, что во второй раз произошло то же самое, ни разу меня не удивило. Интересно только, так ли ее прошибло при виде меня? Я ведь не идиот, понимаю прекрасно, что Тори уже не та восемнадцатилетняя влюбленная девчонка. Одно только осталось неизменным: моя.

— Прошло четырнадцать, — ворчит, когда я закидываю форму в сумку и выхожу. Тори скрещивает руки на груди, опять от меня прячется.

— Мы успеем, я знаю короткую дорогу, — улыбаюсь, влезая в кроссовки.

— Через весь город? — смеется Вика и на короткое мгновение расслабляется, но оно слишком быстро заканчивается. Она снова серьезнеет, вытягивается по струнке, закрывается на сто замков,

лишь бы в душу меня не пускать. — Нужно было сбегать быстрее.

— Правильно сделала, что осталась.

Разговоры у нас не клеятся от слова совсем. И оттого, что кто-то за год отшельничества разучился слова подбирать, потому что изо рта, кроме приказов и ругани, ни черта не вылетало. И оттого, что далеки мы безмерно теперь. Прошлое между нами все еще висит. Смотрю на нее и глаз отвести не могу: красивая даже когда очень серьезная и молчаливая. Тори общаться желанием не горит, я, наоборот, капю как полыхаю, поэтому бешено гоняю в голове темы, пока мы спускаемся в лифте и идем к машине. Давить на больное, вспоминая прошлое, не хочется, спрашивать, как изменилась ее жизнь, будет неуместно. Сильно изменилась, это невооруженным глазом видно. Да и долгая беседа из этого не выйдет.

«А может, и не надо, раз не клеится?» — испытывает нервную систему внутренний голос. Вика меня опасается, все еще не доверяет. Этой ночью в бессознательном порыве жалась изо всех сил, а потом не отлипала ни на сантиметр во сне. Утром, когда мир перестает быть черным, все видится по-иному, и я перестаю быть спасателем, превращаясь в мучителя.

— Может, все же такси? — предпринимает очередную попытку избавиться от моего общества. — Правда, Егор, мне уже очень неловко, что ты со мной возишься, как с ребенком.

— Мне несложно, Вик, — говорю честно, когда она все же садится в машину под мой вздох облегчения. — Я рад, что мы встретились. Не очень хорошо только, что при таких обстоятельствах.

— И часто с тобой такие обстоятельства случаются? — неожиданно идет на контакт. Значит, я ей тоже интересен. Любопытная Оса. Хорошо, теперь точно все пойдет как надо.

— Время от времени, — пожимаю плечами. К работе у меня отношение... как к работе. Пришел, сделал, ушел. Мне нравится то, чем я занимаюсь, но это совершенно не повод для хвастовства. — Мы же не просто так тренируемся, — улыбаюсь и плавно захожу в поворот. — Бывают дни, когда в части сидим, занимаемся, а бывает, что днями выжидаем в засаде. Главное, что все хорошо заканчивается.

Тори замолкает и смотрит на дорогу задумчиво. Губы свои красивые кусает, не понимая, что дразнит: я тоже их попробовать хочу. Подгрузил я ее, конечно, конкретно. Тоже, блин, тему выбрали. Нет, чтобы о приятном, о жизни ее узнать, — всегда работа моя вылезет и подбросит серьезности любой беседе, уведя ее в тяжелое молчание. Цокаю, смотрю на звонящий телефон. Гринев.

Обычно в машине отвечаю через блютуз, но при Тори многое обсуждать не положено, так что приходится отсоединяться и прикладывать трубку к уху. Хорошо, что не в столице и за разговор по телефону меня двадцать камер не снимут.

Он говорит быстро, сообщает, что сегодня нас ждет беседа с вышестоящим руководством по поводу вчерашнего выезда. Вроде как будут хвалить, но «спасибо за службу» в любой момент может перерасти в замечания по работе и показательную тренировку, на которой нужно выложиться на все триста процентов. Гринев дает ценные указания, просит не занимать места у входа на парковке и обещает отгул к отпуску, если все пройдет хорошо. Один звонок взвинчивает градус напряжения в моем и без того жарком утре. Но я продолжаю ужом на сковородке вертеться.

— Расскажи, чем сейчас занимаешься, — возвращаюсь к Тори, которая снова чатится с кем-то.

— Работаю управляющей в одной из кофейен отца. — Она поджимает губы, когда видит, что я хмурюсь. Да, малышка, я ведь помню, что ты поступала в лингвистический и грезила о том, чтобы преподавать языки. — Сначала подрабатывала там бариста, пока училась, а потом, когда получила диплом, заняла должность ушедшей в декрет управляющей.

— А иная? — все же спрашиваю, не получив объяснений, и Тори вздыхает. Сильнее стискиваю руками руль. — Отец надавил?

С батей ее у нас не срослось еще тогда, когда я по-честному пришел знакомиться, решив, что надо не прятать голову в песок, а по-взрослому поговорить, чтобы он Тори мозг не делал на тему

нашей разницы в возрасте. Я в то время вообще с ней еще за ручку ходил и пару раз только под майку залез. Но это родителю оказалось сложно доказать. Он все думал, что я его дочь развращаю, и советовал к психиатру обратиться, раз меня на малолеток тянет. Выводы о нем я сделал быстро, но ради Тори относился с уважением и лишней раз старался с ним не пересекаться. Он давил на нее постоянно, пока мы были вместе: выставял меня в херовом свете, объяснял, что происходит «с наивными глупыми девочками, которые выбирают придурков постарше», и твердил, что «ненормальный вояка, которого дома днем с огнем не сыщешь», его дочери не пара, поэтому замуж он ее выдаст за надежного и не нищего, а не «перебивающегося от зарплаты до зарплаты».

— Нет, сама ушла. Перепоступила на гостиничное дело, окончила, теперь в магистратуре на заочном. А языки пару раз в неделю преподаю в центре рядом с домом, меня туда взяли только по сертификатам. — Она пожимает плечами. Это у меня все стабильно, я как тогда шел к цели, так и сейчас продолжаю по службе вверх двигаться. Вика же жизнь на сто восемьдесят градусов развернула, оставив лишь маленькое напоминание.

— Не жалеешь?

— Нет. Я люблю свою работу, у нас там свой маленький мирок с вкусным кофе и свежими булочками. Останови, пожалуйста, здесь. — Она ки-

вает на «карман» через пару метров и ерзает на сиденье. До поворота к ее дому еще метров триста, но Тори решительно настроена даже на ходу выпрыгнуть. — Тут кофейня, мне нужно выйти на работу раньше: повар получил травму.

— Ладно, — сдаюсь и включаю правый поворотник. — Помощь предложить не могу, иначе полковник голову открутит за опоздание.

— Я не прошу, — мягко увеличивает между нами дистанцию. — Ты и так очень много для меня сделал за последние сутки. Спасибо, — опять благодарит, а у меня челюсть от этого сводит. Да сколько можно-то? Я уже все понял, не дурак.

— Давай так: вместо «спасибо» лучше запиши мой номер, — улыбаюсь и снова глазею. Смотрю на рыжий водопад, плечи, упругую грудь, обтянутую кофтой, стройные ноги, которые Вика сжимает, когда замечает путь моего взгляда. — Если вдруг что случится — кошмар опять приснится или слишком часто вспоминать станешь вчерашний вечер, — звони или пиши. Отвечу, если буду не на тренировке или выезде. — Тори сомневается, но все же открывает контакты и под диктовку записывает цифры. Она специально отворачивается, когда подписывает меня, и я усмехаюсь и даже качаю головой.

— И даже дозвон просить не будешь? — удивляется, нарушая томительную тишину.

— Не буду, я тогда тебе точно позвоню и на свидание приглашу, — признаюсь, потому что уже

Нет дыма без огня

сейчас не хочу ее отпускать. Мне катастрофически мало, но с Тори слишком активным быть нельзя, она тогда прятаться начинает. А номер телефона я после следующей смены у Володи попрошу, потому что уверен, что Вика мне ни за что не наберет. А я и так знаю, где она живет, и притащиться могу в самый неподходящий момент. — Соскучишься — выходи на связь, — подмигиваю.

— Не выйду, — без ножа режет меня, а затем ковыряет свежую рану: — У меня парень есть, я по нему скучаю. — Она быстро закрывает дверь и почти сбегает.

Злость вспыхивает моментально: какой такой парень? Тот, которому она все утро эсэмэски строчила и улыбалась? Стучу по рулю и горько усмехаюсь. Чего, собственно, хотел? Она ведь ни одного повода не дала: ни взгляда долгого, ни улыбки лишней. А я себе все складно придумал про возрождение прошлой любви.

Одно только непонятно: почему вчера не сказала и ему не позвонила первым делом? Потому что ненадежный тип или потому что вчера его вообще в природе не существовало? Взглядом проведив Тори до двери кофейни, трогаюсь с места. Надо будет как-нибудь наведаться сюда за вкусными булочками и одной вредной управляющей, у которой, блядь, парень есть.

Глава 5

ЦВЕТЫ

Вру безбожно и этим себя спасаю, забегая в кофейню на дрожащих от страха ногах. Ложь на моем лице отчетливо написана: не умею я обманывать, никогда юлить не любила. Теперь ощущение, будто в грязи выпачкалась. Срочно хочется помыться и сменить одежду. Смотрю на пакеты с покупками — наверное, стоит воспользоваться и надеть прямиком с вешалки. Постираю, как вернусь домой.

Гога — наш пекарь — встречает меня в панике и с забинтованной рукой. Порезался ножом и теперь не может замесить тесто. А у нас все проблемы решаются исключительно через меня: я живу ближе всех, да и вообще начальство, которое нужно держать в курсе. Он отказывается обращаться к врачу, чтобы не добавлять мне еще проблем с травмой на производстве, и я малодушно не уговариваю его, вовлекаясь в процесс работы и надеясь выгнать из мыслей Дымова.

Он туманом обволакивает мозг, мешая вынырнуть в реальность. Проснуться в его руках оказа-

лось чертовски приятно. Двадцать три секунды я наслаждалась неправильной близостью, отключив будильник. А потом сбежала, трусливо поджав хвост и прогнав мурашки. Не стоит мне проникаться Егором. Он свой выбор сделал шесть лет назад, а люди, как известно, не меняются, по крайней мере, не так кардинально.

Пальцы вязнут в тесте, как я снова увязую в Дымове. Одна встреча, и сердце бешено колотится. Эта дурацкая привычка реагировать на него никак не оставит меня в покое. Она должна была закончиться, я выкорчевала ее из себя, а остатки замуровала под новыми привязанностями, но все они оказались недостаточно острыми, чтобы отрезать отравляющее прошлое. Потому что от одной только мысли о Дымове меня выворачивает наизнанку, обнажая все чувства — от сумасшедшей любви до бешеной злости, а стоит подумать о других — пустота образуется в груди, будто и не было никого после.

— Прости, Викуль, — разводит Гога руками, не переставая командовать. — Но мне только с замесом помощь нужна, отсажу в формы сам.

— Ага, а у нас потом в меню появятся плюшки с кровью, — качаю головой, предвкушая коллапс. Давненько таких форс-мажоров не было.

— Обижаешь, — склоняет голову набок. — Я кровотечение остановил, сейчас лучше руку заклею, в перчатки влзу, и отлично все будет. Спасибо, что пришла.

— Часик без меня продержишься? Надо домой вернуться, — вдруг краснею под пристальным взглядом Гоги. Он не спрашивает ничего, мы всегда обходим личную тему, но сегодня так и вижу, как прикусывает язык. А я делиться ночными приключениями с бывшим не планирую, меня и само скоро совесть загрызет.

— Даже два выдержу. Не завтракай, я рыбу для круассанов принес, — подмигивает мне, все же усмиряя свое любопытство.

— Ладно, — киваю, соглашаясь на вкусную еду, которая в исполнении Гоги всегда получается потрясающей.

Перепахканная мукой, вспотевшая и жутко вымотанная, я едва доползаю до квартиры. После подъема на седьмой этаж мне не хочется жить — только спать, желательно часов шестнадцать.

В общем-то, минут тридцать на сон у меня есть. До открытия еще два часа, мне точно нужно быть к началу смены, а отчет... прикроюсь форс-мажором перед папой, он поймет и согласится сдвинуть срок хотя бы на несколько часов.

Наспех смываю с себя запахи утреннего труда и падаю на кровать. Ставлю пять резервных будильников, чтобы точно не проспять. Но в мое утро совершенно некстати врывается Антон. Он звонит — обычно телефонных разговоров у нас мало: мы либо сидим где-нибудь или переписыва-